

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47)(093):001.8

«СТРАСТИ...» Б. Н. МИРОНОВА ИЛИ О БЕЗНРАВСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (РЕЦ: «СТРАСТИ ПО РЕВОЛЮЦИИ. НРАВЫ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В ВЕК ИНФОРМАЦИИ». М., «ВСЬ МИР». 2013. – 366 С. ТИРАЖ – 500 ЭКЗ.)

Т. Г. Леонтьева

Тверской государственной университет, кафедра отечественной истории

Рецензия посвящена монографии Б. Н. Миронова «Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации». М., «Весь мир». 2013. – 366 с. Тираж – 500 экз.

Ключевые слова: революция, российская историография, Т. Г. Леонтьева, Б. Н. Миронов.

Поветрие сенсаций и «разборок» проникло и в среду историков. Доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук Б. Н. Миронов опубликовал монографию с интригующим названием «Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации»¹. Текст-ответ тем, кто позволил себе **самостоятельно** (без навязанной автором оптики) прочесть его труды: «Социальная история России», «Благосостояние населения и революции в имперской России» и серию статей по сходной тематике². В своё время они вызвали

бурную дискуссию, но не все участники сошлись в оценках и, что, пожалуй, важнее, скептически отнеслись к концепции автора. Не удивительно, что редакция журнала «Отечественная история» (затем – «Российская история»), уловив «градус напряжённости», предложила специалистам в различных областях исторического знания обсудить обе монографии и разместила их отзывы (полностью или частично) на своих страницах. «Авторская свобода», за которую вроде бы ратует Борис Николаевич Миронов³, пришлась ему не по душе, в «инакомыслии» он заподозрил злой умысел и коварство и как мог на страницах профессиональных изданий пытался приглушить голос «оппозиции». Но «писакис от науки» твёрдо стояли на своём: «не верим» и всё тут, что Россия, «которую мы потеряли», была именно такой, как представил её Миронов, что «эконо-

¹ Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации». М., 2013.

² Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства». СПб., 1999. Т. 1-2.; Благосостояние на-

селения и революции в имперской России: XVIII – начала XX вв. М., 2010.

³ Страсти... С. 28.

мика после отмены крепостного права стала рыночной», «в пореформенное время быстрыми темпами развивалось гражданское общество», а «самодержавие... совместимо с прогрессом»⁴. Не помогли ему даже «письма во власть», что поделаешь – издержки плюрализма.

Словом, от обиды написал Борис Николаевич новую книгу про всю российскую историографию, где не хуже Салтыкова-Щедрина представил нравы российских, с позволения сказать, историографов: академиков, докторов-профессоров и всяких там несогласных научных сотрудников. В эту диссидентскую компанию попала и я. Пользуясь случаем, благодаря Бориса Николаевича за шансы повысить РИНЦ и даром выданную путёвку в вечность, но покуда он попытался отстегать меня публично, не стесняясь засунуть нос в замочную скважину, не могу не ответить.

Сразу должна оговориться, не люблю я спорить с обиженными мужчинами. Уж больно техника спора у них примитивная, чуть что не так – «сам дурак». Но уж коль суждено даме вращаться в мужском сообществе, хочешь не хочешь приходится играть по «их» джентельменским правилам: где-то улыбнуться, где-то огрызнуться, а то и хоккейный приёмчик применить. Вот потому и решила я последовать (нет, не женской логике) шекспировской мудрости («уж лучше грешной быть, чем грешной слыть») и «скрестить перья» с учёным собратом – профессором Мироновым, разобиженным на меня, посмевающую возвысить голос против

его оригинальных идей и заодно его же «концепт оболванить»⁵.

Для непосвящённых поясню, что ещё до дискуссий в «Отечественной истории» многие труды этого автора были мне хорошо известны, а по его сегодня подзабытым первым монографиям я не один год учила студентов. Но основную идею «Социальной истории» я (как, впрочем, и **многие** другие историки) не приняла и высказала свои контраргументы. Тогда они касались разделов «Духовенство», «Стратификация духовенства», «Освобождение духовенства», выстраивались на документальной основе и, строго говоря, повторяли мои основные тезисы, изложенные к тому времени в десятках публикаций и не оспоренные научной общественностью. Без ложной скромности отмечу, что спорить со мной в этой части автору было бы трудно: *мои* данные, извлеченные из центральных (ГАРФ, РГИА) и региональных архивов, диссонировали с *его* вольными интерпретациями. Последние вызывают сомнения даже у аспирантов, более или менее знакомых с источниками и дореволюционной историографией. Впрочем, ситуация довольно заурядная для науки.

Ничего неожиданного не было и в моей реакции на «Благосостояние...». Но недовольному Миронову показалось, что я «по-женски тонко и изящно» (читайте: коварно) перетолковывала его слова, изменяла акценты и даже приписывала ему чужое мнение⁶. В принципе подобные претензии легко принять за «трудности перевода» языка одного автора на язык другого, не зря же сам он

⁴ Страсти... С. 227.

⁵ Там же. С. 93.

⁶ Страсти... С. 93.

любит сослаться на нетленное, тютчевское: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется»⁷. Но может кому-то из дискуссантов (точнее – дискуссанток) и спустил бы эту дерзость Борис Николаевич, но не провинциалке («женщине из русского селенья») с сатанинским окрасом⁸ да ещё и (совсем ужасно!) жене его давнего оппонента, якобы возглавляющего некое злонамеренное антимироновское сообщество⁹. Словом, налицо уникальная возможность свести счёты! Тем более, что за мной тянулся ещё один «грешок»: однажды в высоком научном собрании (между публикациями «Социальной истории» и «Благосостояния») я настояла на публичном рукопожатии двух азартных оппонентов – В. П. Булдакова и Б. Н. Миронова. Но, увы, оно не обернулось компромиссом. Хуже того, в «Страстях по революции» дискуссия перешла в запретную зону.

Нет, ничего принципиально историкографически нового обиженный автор не предоставил, те же аргументы в графиках, схемах, статистике. Но зато теперь он чётко разделил научное сообщество на «своих» и «чужих», только с идентификацией двух сочинителей затруднился¹⁰. Первых поблагодарил – за ни-

ми, как и за собой, он признает право на свободу творчества: 21 оптимист (по терминологии Миронова это те, кто положительно высказался о «Благосостоянии...»¹¹) «позитивно оценивает прошлое и верит в будущее России»¹², как и сам автор. А вот остальным – ни-ни, поскольку они «некомпетентные, поверхностные, необъективные и беспринципные»¹³. Прямо партсобрание какое-то! И, как предусмотрено форматом подобного мероприятия, Борис Николаевич, отбросив всякие интеллигентские штучки, по-бабьи истерично пошёл крушить «пессимистическое» меньшинство. Гнев автора, рассуждающего о гласности и честности в науке, адекватности методологии, внутренней цензуре, пагубности пристрастий¹⁴, так силён, что заставляет его отступить от провозглашённых нравственных устоев, воспользоваться «максимой Грибоедова» «языки – страшнее пистолета»¹⁵ и выстрелить из него так, чтобы уж раз и навсегда охота пропала с ним спорить. А чтобы бить без промаха, автору, как он сам признаётся, «пришлось поработать детективом»¹⁶: покопаться в чужом бельишке – где что не так. И нашёл же! Наверное, потому и не счёл достойным обращаться к «недругам» по имени-отчеству или уж на худой конец – по фамилии, вот и фигурирует кто-то в тексте как «Великий историк» (разумеется, в презрительной коннота-

⁷ Страсти... С. 17.

⁸ Там же. С. 94.

⁹ А rgoros, на форзаце «Благосостояния» Борис Николаевич в 2010 г. собственноручно начертил: «Владимиру Прохоровичу на добрую память и с благодарностью за критику и поддержку, за честность и принципиальность в науке» (выделено мною. – Т. Л.).

¹⁰ От волнения автор дважды приводит эту «классификацию»: см. Страсти... С. 29 и 103.

¹¹ Авторство классификации признается за зарубежной историографией. См.: Страсти... С. 19.

¹² Страсти... С. 103, 110.

¹³ Там же. С. 102.

¹⁴ Там же. С. 11–15, 28 и др.

¹⁵ Там же. С. 15.

¹⁶ Там же. С. 235.

ции), а кое-кого автор и вовсе именует аббревиатурой инициалов – хватит с них. Так и хочется проворчать: «Непристойно, батенька!».

Моей персоне в новой книге посвящены всего две с половиной страницы (другим же по разделу досталось), но каких! В общем, если нет под рукой Миронова, доставайте Чехова, читайте «Душечку» и все поймёте. За откровенными оскорблениями прочитывается недоумение автора: его первую книгу я похвалила (здесь уже изумляюсь я)¹⁷, а вот вторую – нет. Первое, что придёт в голову обыкновенного читателя, – а вдруг книги по содержанию разные и соответственно реакции иные. Однако не таков Борис Николаевич!

Отказывает он женщине в самостоятельности суждений¹⁸, подозревает, что с чужого (читай: мужниного) голоса она поёт (много, видите ли, у нас одинаковых слов, а я бы доба-

¹⁷ Поясняю: текст моей рецензии/круглого стола в «Отечественной истории» НЕ ИМЕЛ названия, разбивки на разделы, поэтому заголовок, столь симпатичный Борису Николаевичу Миронову, «КНИГА, КОТОРУЮ ЖДАЛИ», как и все остальные, был введен РЕДАКТОРОМ журнала без предварительного согласования с авторами (имеет право!). Из моей рецензии, опубликованной в «Отечественной истории» (2000. № 6. С. 47, 67–68) Борис Николаевич УМЫШЛЕННО процитировал лишь комплиментарный фрагмент, что в данном случае удобно ложилось в строку, а о непровержимой критике (но отнюдь не охаивании всего текста) в этой же рецензии он предпочел умолчать. (Страсти... С. 93).

¹⁸ Исключение составляет антиковед из Санкт-Петербурга И. А. Левинская, которая, хотя ничего и не смыслит, по мнению Б. Н. Миронова, в истории, подбила мужа-археолога возвысить голос против его писаний. Подробнее: Страсти... С. 24–25.

вила, ещё и букв в текстах). Уж не позаимствовал ли Борис Николаевич эту старомодную мыслишку у К. П. Победоносцева, утверждавшего: «Не место женщине ни на кафедре, ни в народном собрании». Попробуй, разберись теперь, чем современницы не угодили благочестивому обер-прокурору, а вот Б. Н. Миронову такие, как я, явно не по нраву: высываются где не надо, посягают на творения живых–здоровых классиков, а им ещё и ордена ни за что ни про что вешают¹⁹. Истинно говорю, не будь я дамой счастливой в браке, тут же обратилась бы в феминизм!

А если серьёзно (без присущей мне, как справедливо подмечено Б. Н. Мироновым, иронии), то после публикации вышеупомянутой монографии у меня возникает нешуточное опасение за своё будущее. Вдруг ему, одному из ведущих аналитиков современности, удастся доказать, что мой муж разрушил не только его имидж «главного» историка России, но ещё и пресловутую часовню, башни-близнецы, аквапарки, etc, а мне, как добродетельной супруге, придётся не только «пожертвовать репутацией»²⁰, но и проследовать за ним на электрический стул. Но чему быть – того не миновать, одно радуется: PR-дебют, должно быть, значительно повысит интерес к персоне Бориса Николаевича, чего он, видимо, и добивается, раздувая скандалы.

¹⁹ Страсти... С. 95.

²⁰ Там же. С. 94.

**«STRASTI...» OF B. N. MIRONOV OR ABOUT THE IMMORALITY IN
THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY**

T. G. Leont'eva

The Tver State University, Department of native history

Review is dedicated to the monograph by B.N. Mironov «Strasti po revolutsii: Nruvy v rossiiskoy istoriografii v vek informatsii. [Passions to Revolutuion: Manners in Russian Historiography in Age of Information]». Moscow: Ves' mir Publishers, 2013. – 366 Pp. – 500 copies.

Keywords: *revolution, Russian historiography, T. G. Leont'eva, B. N. Mironov.*

Об авторе:

ЛЕОНТЬЕВА Татьяна Геннадьевна – Тверской государственный университет, кафедра отечественной истории, доктор исторических наук, профессор, e-mail: kroneko@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.03.2013